

Ван Шэн с тревогой спросил:

— Глава, мы отправляемся в Шаньюань, а что будет с дядей Хромым, дядей Лайтоу и дядюшкой Обезьяной?

— На самом деле, даже если бы ты не пришел в тот заброшенный храм, я бы все равно воспользовался этим случаем, чтобы уйти в Шаньюань, так что о них я уже позаботился заранее.

Су Чанцань и Гуйшэн неспешно вышли из поместья Чэнь. Они бродили по улицам, заглядывая в лавки и скупая всё подряд. Вскоре у них набралось немало покупок, и Гуйшэн семенил следом, обвешанный узлами и свертками.

Они подошли к трем старым нищим, гревшимся на солнце. Су Чанцань бросил каждому в чашку по серебряной монете. У стариков глаза полезли на лоб. Лайтоу схватил монету и попробовал её на зуб — настоящее серебро! Все трое поспешно вскочили и принялись кланяться в пояс, осыпая роскошно одетого юношу благодарностями:

— Господин — истинный благодетель! Великий благодетель на десять поколений вперед! Добро всегда вознаграждается!

Юноша в богатых одеждах с улыбкой указал на каждого из них:

— Ты — старый Хромой, ты — старый Лайтоу, а ты — Обезьяна. Я прав?

Старики остолбенели. Невероятно, этот знатный господин знает их по именам! Они принялись усердно кивать:

— Да, да! Господин, вы такой проницательный!

— Ваш Глава велел мне найти вас, — сказал юноша. — Идите за мной.

— Раз Глава велел, значит, идем, — согласились нищие.

Су Чанцань неторопливо зашагал впереди, за ним следовал нагруженный поклажей Гуйшэн, а замыкали процессию трое стариков.

У края города, возле лавки гробовщика, юноша остановился. Указав на заведение, он обратился к старикам:

— Ваш Глава просил передать: ему нужно отлучиться на некоторое время. Эта лавка принадлежит ему, и он хочет, чтобы вы присмотрели за ней.

Нищие переглянулись. Они-то думали, что сейчас увидят Главу, а вместо этого им поручили торговать гробами. Они засомневались, не мошенник ли перед ними. Но мошенник не стал бы раздавать серебро и знать их прозвища.

— Чего застыли? — поторопил их юноша. — Заходите, принимайте дела у приказчика. Глава уже оплатил аренду, если не будете следить за лавкой, его деньги пропадут зря.

Лайтоу, верный своему характеру, топнул ногой:

— Раз это дело Главы, мы не можем бросить его на произвол судьбы. Идемте внутрь!

Старики, все еще пребывая в смятении, приняли дела: изучили гроссбухи, получили на руки документы на лавку и жилые флигели, пересчитали все гробы, сверили закупочные и продажные цены. В помощники им оставили смышленного мальчишку, который уже давно работал здесь.

Старый Хромой, дрожащими руками сжимая документы, спросил:

— Господин, когда наш Глава вернется? Без него нам как-то не по себе.

Лайтоу, прижимая к груди бухгалтерские книги, добавил:

— Верно, верно! Такое огромное хозяйство, а вдруг мы не справимся?

Обезьяна, гремя ключами, с мольбой смотрел на господина, напоминая жалкую старую мартышку.

Юноша прыснул со смеху. Он указывал на троицу и на своего слугу с распухшим лицом, хохоча так, что им приходилось поддерживать друг друга, чтобы не упасть. Наконец, отсмеявшись, Су Чанцань выпрямился:

— Ты — Лайтоу, Глава сказал, что ты грамотный и разберешься в счетах. Ты — Обезьяна, Глава сказал, что у тебя язык подвешен и ты умеешь продавать товар. А ты — Хромой, Глава сказал, что ты служил в армии, человек решительный и сможешь управлять лавкой. Если будет убыток — он человек добрый, с вас не спросит. Если будет прибыль — делите пополам. Его долю прибережете до его возвращения.

Юноша кивнул на вещи, которые держал его слуга:

— А это Глава велел передать вам.

Гуйшэн вручил ошарашенным старикам свертки.

— Ну, я всё передал, дело сделал, пора и честь знать, — сказал юноша и, продолжая посмеиваться, зашагал прочь.

Слуга, который раздавал вещи, низко поклонился старикам:

— Дядюшки, берегите себя, — и поспешил вслед за господином.

Лишь когда те двое скрылись из виду, старики, чувствуя, как земля уходит из-под ног, нетвердой походкой вошли в лавку.

— Глава, зачем вы отдали им лавку гробовщика? — спросил Ван Шэн.

— Слишком сложное дело они не потянут. А слишком прибыльное — у них отберут, только беды навлечем. А это — место простое, мрачное, никто не позарится. Денег много не принесет, зато стабильно, на старость им хватит.

— Вы всё продумали, — кивнул Ван Шэн. — Вот бы нам еще раз поесть с ними маньтоу с мясным бульоном, они так радовались.

— Нам лучше поменьше с ними видаться, — ответил Глава. — У нас много проблем, еще навлечем на них беду.

Ван Шэн смотрел в спину Главы и вспоминал слова Хромого: Глава — хороший человек. Он чувствовал, что ему невероятно повезло однажды забрести в тот заброшенный храм и встретить его.

Вечером к Су Чанцаню неожиданно пожаловал управляющий Западным двором. Видимо, узнав, что завтра господин уезжает, он решил наладить отношения, опасаясь, что если Су добьется успеха, то припомнит ему прошлые обиды с Цуйлань, Сяюй и Баочжу.

Управляющий Западным двором, хоть и уступал влиянием своему коллеге с Восточного двора, всё же кое-что значил. Он привел с собой девушку — куда более изящную, чем те трое. Она с улыбкой и достоинством поклонилась:

— Служанка Цинфэн приветствует господина Су.

У Су Чанцаня и Гуйшэна глаза на лоб полезли. Управляющему даже показалось, что у юноши сейчас слюнки потекут, но к его удивлению, тот вежливо отказался от предложения девушки прислуживать ему всю ночь.

— Я бы очень хотел, чтобы госпожа Цинфэн подавала мне чай, — с сожалением вздохнул Су Чанцань, — но сегодня днем я обещал главе клана начать новую жизнь и посвятить себя совершенствованию. Глава сказал, что женщины лишь мешают духовному росту. Так что, когда я достигну Закладки Основания и вернусь в Сяюань, я обязательно воспользуюсь вашим любезным предложением.

Управляющий понимающе кивнул и с явной неохотой развязал пояс, достав сумку для хранения:

— Господин Су, я приобрел эту вещь в Шаньюане за огромные деньги. Она очень вместительная, открывается каплей духовной силы, крайне удобна. Примите её как подарок в честь вашего будущего успеха в Закладке Основания. Надеюсь, вы не откажетесь! — голос управляющего звучал искренне.

— Неловко как-то, это ведь ваша дорогая вещь, я не заслужил, — отнекивался господин Су.

— Если господин не побрезгует, для меня будет честью, если вы примете её. Тогда в Шаньюане, пользуясь этой сумкой, вы будете вспоминать, что в Сяюане есть друг, который искренне желает вам добра.

— Ну, раз вы так настаиваете, не буду отказываться. Хотя этот подарок и не сравнится с тем, что мне преподнес глава клана, он очень практичен. Благодарю вас, будьте уверены, я буду вспоминать о вашей доброте.

После взаимных любезностей и лести они тепло проводили гостей. Как только те ушли, двое друзей принялись рассматривать сумку. Гуйшэн пришел в полный восторг: у его деда была такая, но тот не давал ему даже прикоснуться к ней. Теперь же у них есть своя! Он начал с упоением запихивать внутрь стулья и столы, а потом доставать их обратно.

Глава сложил в сумку свои склянки и пузырьки, а затем вынул Пилюлю Сотни Трав, полученную от главы клана. Внутри оказалось всего три штуки.

Он протянул их Гуйшэну:

— Держи, ешь.

— Это же та самая драгоценная пилюля? — удивился Гуйшэн. — Съешь лучше ты, твой уровень выше, пользы будет больше.

— Мне они не помогут. Ешь, быстро, не заставляй меня повторять дважды.

Видя, что Глава хмурится и не шутит, Гуйшэн взял пилюли:

— Все три сразу?

— Все три.

Гуйшэн запрокинул голову, проглотил пилюли и пару раз их прожевал.

Тем временем Глава взял со стола черное кунжутное пирожное, отщипнул кусочек, скатал его в шарик, напоминающий пилюлю, сделал так три раза и положил в фарфоровый пузырек. Гуйшэн наблюдал за его действиями, но спрашивать не стал.

Если бы глава клана Чэнь узнал, что его подарок, купленный за баснословные деньги, был проглочен за один раз, он бы горько пожалел.

У Гуйшэна Море Сознания и меридианы были по большей части заблокированы, и он не мог совершенствоваться. Духовная энергия от пилюль медленно скапливалась в меридианах, разливаясь по телу приятным теплом, отчего он проспал всю ночь как младенец.

Утром Гуйшэн подумал: неужели эта пилюля — просто снотворное? Спалось ему прекрасно. Знал бы он, лучше бы отдал их Главе, чтобы тот тоже хорошо выспался. Если бы глава клана Чэнь узнал, что его драгоценность использовали как средство от бессонницы, он бы лишился дара речи.